

Прошло всего полчаса; типографские машины больше не стучали, но из кабаньей туши все еще сочилась кровь.

Для **портье** это стало привычным ритуалом, почти таким же, как церковный обряд, вошло ему в плоть и кровь: каждое утро, ровно в полдесятого, он снимал с доски ключ и ощущал легкое прикосновение сухой холёной руки, бравшей у него ключ от **бильярдной**; **портье** бросал взгляд на строгое, бледное лицо с красным шрамом на переносице, а затем задумчиво, с чуть заметной улыбкой – ее могла бы обнаружить разве только жена – смотрел вслед Фемелю, который, не обращая внимания на призывный жест лифтера, поднимался по лестнице в **бильярдную**, слегка постукивая ключом по медным прутьям перил – пять, шесть, семь раз звенели прутья, – казалось, он играет на **ксилофоне**, воспроизводящем одну-единственную ноту, а через полминуты являлся Гуго, старший из мальчиков-лифтеров, и спрашивал: «Как всегда?» – на что **портье** кивал головой; он знал: Гуго побежит в ресторан, **возьмет** двойную порцию коньяка и графин с водой, а потом исчезнет наверху в **бильярдной** до пол-одиннадцатого.

Портье чуял недоброе в этом обыкновении играть в бильярд с половины десятого до пол-одиннадцатого утра в присутствии **одного и того же** мальчика – **недоброе** или порочное; от пороков существовала защита – тайна; тайна имела свою цену и свои законы; тайна и деньги зависели друг от друга, как абсцисса и ордината; тот, кто брал здесь номер, покупал вместе с тем полную секретность: глаза, которые смотрели, но **не видели**, уши, которые слушали, но **ничего не слышали**. Однако от беды **не было** спасения – он **не мог** выпроводить за дверь каждого потенциального самоубийцу, ибо все постояльцы были потенциальными самоубийцами; самоубийца мог явиться в отель с семью чемоданами, загорелый, **точь-в-точь** киноактер, смеясь взять ключ у **портье**, но, как только чемоданы были сложены в номере и бой уходил, он вытаскивал из кармана пальто заряженный пистолет, заранее снятый с предохранителя, и пускал себе пулю в лоб; или это могла быть дама, казавшаяся выходцем с того света; она являлась, сверкая золотыми зубами, золотыми волосами, золотыми туфлями, скалила зубы, как скелет, дама, слонявшаяся по холлу, словно беспокойный призрак, алчущий удовлетворить свою похоть; эта дама заказывала завтрак к себе в номер на пол-одиннадцатого, вешала на ручку двери трафарет «Просьба не беспокоить», а потом сооружала перед дверью баррикаду из чемоданов и глотала капсулу с ядом; задолго до того, как у перепуганных горничных падали из рук подносы с завтраком, в доме шёпотом передавали друг другу: «В двенадцатом номере лежит покойница». Шептаться начинали уже ночью, когда засидевшиеся в баре гости прокрадывались к себе в комнаты – им

становилось жутко от тишины, царившей за дверью номера 12; **некоторые** из них умели отличать тишину сна от тишины смерти.

Портье чуял **недоброе**, когда в тридцать одну минуту десятого Гуго поднимался в **бильярдную** с двойной порцией коньяка и графином воды. В это время дня **портье** с трудом обходился без мальчика: на его конторке появлялось множество рук – рук, требующих счёт или забирающих почту; портье ловил себя на том, что сразу после полдесятого он становился **невежливым**, и надо же, **чтобы** он **как раз** обрезал учительницу – восьмую или девятую по счету, из тех, кто спрашивал, как пройти к древнеримским детским гробницам; судя по ее обветренному лицу, она родилась в деревне, а судя по перчаткам и пальто, **не имела** тех доходов, какие естественно было предположить у постояльцев отеля «Принц Генрих»; **портье** спрашивал себя, каким образом бедная женщина затесалась в толпу этих сумасшедших дур, из коих **ни одна не нашла** нужным осведомиться о цене номера; хотя, быть может, эта учительница, смущённо теребящая свои перчатки, **как раз** совершит чудо, за которое Йохен установил премию в десять марок: «Плачу десять марок каждому, кто назовет мне немца, спросившего о цене на **что-либо**»; нет, эта учительница **не принесет** ему премии Йохена; портье взял себя в руки и любезно разъяснил ей дорогу к древнеримским детским гробницам.

Большинство требовало **как раз** этого боя, запертого на полтора часа в бильярдной; все они желали, **чтобы** именно он отнес их чемоданы в холл, к автобусу авиакомпании, к такси или на вокзал; брюзгливые господа, слоняющиеся по всему свету, которые ожидали сейчас в холле счёт и болтали о расписании самолетов, хотели, чтобы именно Гуго подал им лёд для виски и поднес спичку к **незажженной** сигарете, свисавшей у них **изо рта**, дабы они могли лишний раз убедиться в его исполнительности; Гуго, и **никого** другого, желали они поблагодарить **небрежным** жестом руки; только в присутствии Гуго их лица вздрагивали от тайных конвульсий; у них были **нетерпеливые** лица, у этих господ, которые с трудом могли дождаться минуты, когда они перенесут свое дурное настроение в отдаленные части света; они были всегда готовы к старту, **чтобы**, переселяясь в иранский или верхнебаварский отель, **так же** внимательно, как и здесь, изучать свое лицо в зеркале, определяя, **насколько** задубилась их кожа от солнца.

Полудурошные женщины визгливыми голосами **наперебой** требовали принести им забытые вещи: «Гуго, мое кольцо», «Гуго, мою сумочку», «Гуго, мою губную помаду», все они ждали, что Гуго стремглав кинется к лифту, бесшумно взлетит наверх и начнет разыскивать в номере 19, в номере 32 или в номере 46 кольцо, сумочку, губную помаду; а тут еще старухе Муш

понадобилось вывести гулять свою шавку, которая к этому времени вылакала все налитое ей молоко, нажралась меду, пренебрегла глазуньей и теперь собиралась отправить собачью нужду у ближайшего киоска, у припаркованной машины или остановившегося трамвая, с тем **чтобы** попутно оживить свой отмирающий нюх; ведь один только Гуго мог понять сложные душевные потребности собаки; кроме того, бабушка Блезик, которая ежегодно приезжала сюда на месяц повидаться с детьми и внуками, все возраставшими в числе, бабушка Блезик, **не успев** переступить порог отеля, уже спросила о Гуго: «Он **по-прежнему** у вас, мальчуган с лицом церковного служки, худенький, бледный, рыжеватенький, у него еще всегда такой серьезный вид?» За завтраком, пока старуха ела мед, пила молоко и не пренебрегала глазуньей, Гуго должен был читать ей местную газету; Блезик закатывала глаза всякий раз, как он произносил названия улиц, знакомые ей еще с детства. «Несчастный случай на Эренфельдгюртель», «Ограбление на Фризенштрассе». «Когда я там каталась на роликах, у меня были вот такие **длинные** косы, вот **досюда**, мой мальчик». Старуха была хрупкой, но выносливой – уж не ради ли Гуго она перелетала полмира через огромный океан?

– Что? – спросила она разочарованно. – Гуго освободится только после **одиннадцати**?

Водитель автобуса, принадлежавшего авиакомпании, уже стоял у вращающейся двери, жестами поторапливая **отъезжающих**, а в кассе еще только **подсчитывали** стоимость сложных завтраков; в холле сидел человек, который заказал глазунью из половины яйца, он с возмущением отверг счет, где ему поставили целое яйцо, с еще большим возмущением отверг предложение директора ресторана **вовсе изъять** из счета пол-яйца; он требовал новый счет, в котором значилась бы половина яйца.

– Я настаиваю!

Этот тип ездил по свету, как видно, только для того, **чтобы** предъявлять потом письменные документы, где фигурировала бы **глазунья** из пол-яйца.

– Да, – говорил **портье**, – первая улица **налево**, вторая **направо**, затем опять третья налево, а потом, сударыня, вы увидите табличку с надписью: «К древнеримским детским гробницам».

Но в конце концов водителю автобуса **все же** удалось собрать своих пассажиров; **в конце концов** все учительницы были направлены **по верному** пути, а все жирные шавки выведены на прогулку. Вот только господин в одиннадцатом номере все еще спал, спал уже шестнадцать часов подряд, повесив на дверь трафарет «Просьба **не беспокоить**». Беда могла нагрязнеть из номера 11 или из **бильярдной**; привычный ритуал с **бильярдом**

совершался как раз во время идиотской суеты, когда из отеля уезжали постояльцы; портье снимал с доски ключ, на мгновение ощущая прикосновение руки гостя, бросал взгляд на его бледное лицо с красным шрамом на переносице. Гуго спрашивал: «Как всегда?» Портье кивал головой – бильярд с половины десятого до пол-одиннадцатого. Но пока еще внутренняя служба информации отеля не донесла ни о чём страшном или порочном. Фемель действительно играл с полдесятого до пол-одиннадцатого в бильярд, играл один, без партнеров, тянул маленькими глоточками коньяк, запивая его водой, курил, слушал то, что Гуго рассказывал ему о своем детстве, сам рассказывал Гуго о своем детстве; Фемель не возражал даже, если кто-нибудь из горничных или уборщиц по дороге к грузовому лифту останавливался в открытых дверях и смотрел на него; он только улыбался. Нет, нет, он совершенно безобидный.

По Генриху Бёллю

Бильярд в половине десятого